Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Двести за вредность

— Не правда ли ему идёт? — с энтузиазмом спросила Марина у подруги.
— Да. Не ожидала такого эффекта, — подтвердила Дарья. — Обалдеть. Ты просто волшебница, макияж бесподобен. У-у-у, предчувствую, «девочка» произведёт фурор.
— Не терпится скорее испытать...
— Есть только один способ, — ухмыльнулась Дарья. — Надо просто попробовать.
Герман Григорьевич Седлов, тридцатитрёхлетний партийный активист, спортсмен и депутат городской думы беспомощно стоял между своей дражайшей половиной и её закадычной подружкой. При этом женщины вели свою оживлённую и увлекательную беседу так, будто его вовсе не существовало.
Десять лет назад Седлов женился на скромной, но целеустремлённой студентке Даше. Мама, после знакомства с будущей невесткой, высказалась категорично: «Это то, что надо! Ты бесхребетный интеллигент, весь в своего папашу. Без Дарьи пропадёшь».
Дарья, на радость свекрови, взвалила на себя все организационные и финансово-хозяйственные заботы о семье. Она точно знала куда и когда ему идти, что надевать, что дарить начальству, и как проводить досуг.
Шли годы. Стальной характер Дарьи закалился. Муж воистину познал, насколько сильной и волевой может быть его жена. Доминирующие черты её характера развернулись в полную силу. Тем более, что по своей природе Герман оказался скрытым мазохистом. Самые сильные и острые сексуальные переживания он получал, когда его унижали, подавляли и принуждали к действиям, которые нормальный человек совершать никогда не стал. Дарья сначала потакала извращённым фантазиям мужа не без выгоды для себя, а затем и вовсе перехватила инициативу. Незаметно для себя Герман попал в полную зависимость от жены.
И не только жены. Горячее участие и активную помощь в «воспитании» мужа принимала Марина, девица характером под стать супруге. Вошла она в жизнь супружеской пары благодаря житейской банальности — начальник и прелестная секретарша. Герман имел неосторожность увлечься, но не учёл, что женщины могут найти общий язык. В прямом и переносном смысле. Родственные души.
Кульминацией планомерной воспитательной работы стало то, что сейчас смотрело на себя в длинное зеркало, стоя между двумя очаровательными женщинами.
С утра его поместили в горячую ванну. После этого долго и тщательно, безудержно хохоча, подруги удаляли все волосы с его тела, оставив только пышную шевелюру на голове. В остальном он был гол, как новорожденный. Затем ему подбирали гардероб. Это не составило большого труда, потому что Седлов не вышел ростом и строение имел сухопарое. Ещё в добрачную пору Герман и Дарья могли запросто по ошибке, натянуть джинсы или свитер друг друга, и никто этого не замечал. Ноги и руки у него, естественно, были крупнее женских, но это вполне укладывалось в рамки индивидуальных отклонений. Разве большая редкость женщина с сороковым размером ноги?
Особенное удовольствие дамам доставил выбор нижнего белья. Герман перемерил гору кружевных трусиков разнообразных фасонов, и десятки бюстгальтеров всех мастей и расцветок. Когда настал черёд колгот и чулок, его страдания утроились. Он натягивал колготки сплошные, сетчатые, с разрезами и выемками, узорные и гладкие, чулки

кружевные, с поясом и без, высокие и короткие, шёлковые, нейлоновые, капроновые, хлопчатобумажные... А разнообразие расцветок и их сочетание с трусиками и бюстгальтером превратили процедуру в ад. В довершение напомним, что существует множество вариантов обуви и аксессуаров...

Показ происходил самым унизительным и волнительным для Германа образом. Никакой другой одежды, кроме туфель и колгот, или чулок, не допускалось. Подруг веселило его гладкое голое тело, особенно половой орган в возбуждённом состоянии. Когда член хоть немного сникал, негодующие женщины требовали немедленно «привести его в порядок». Измученный морально и физически стриптизёр ходил, поворачивался, принимал позы, и выполнял другие прихоти веселящихся подруг. Весь день несчастный находился в состоянии сексуального возбуждения. Обычно, в награду за хорошее поведение, ему давали возможность излиться, пусть даже каким-нибудь извращённым способом, но не сегодня. На его умоляющие взгляды и просьбы следовал непреклонный ответ: «Терпи!»

Позже за дело взялась Марина — косметика, причёска, накладные ногти, бижутерия. В неописуемый восторг женщины пришли, когда накрасили ему на ногах вишнёвым лаком ногти. Дарья ржала, как сумасшедшая и клялась, что теперь он будет ходить только так. Они представляли в лицах, как он снимает носки, скажем, в сауне, на очередном мужском сабантуе, или идёт на пляж в открытых сандалиях.

В результате всех усилий, в зеркале себя грустно рассматривала рослая шатенка в узкой короткой кожаной юбке с поясом, и салатовой шёлковой блузке под цвет глаз и теней. Яркие губы, накладные ресницы и обильный слой пудры на лице придавал образу некоторую вульгарность, но в целом «девушка» около тридцати смотрелась весьма соблазнительно. Чему способствовали ровные ноги с мускулистыми икрами и поджарыми лодыжками, затянутые в тонкие чёрные нейлоны. Туфли, вполне современные и модные, имели небольшой каблук — так решили, чтобы «девица» не выделялась ростом и казалась миниатюрнее.

— Пошли в машину, красотка, сегодня твой первый выход в люди!

В лифте спускались вместе с соседом напротив. У Германа душа ушла в пятки, когда степенный Роман Андреевич стал заинтересованно разглядывать его, а на выходе подмигнул и галантно ущипнул за задницу. Дарья с Мариной переглянулись, прыснув в ладошки.

Громадный торговый центр сиял огнями и кишел народом. Помимо магазинов, бутиков и павильонов в нём имелся кинотеатр, несколько кафе и ресторан.

Герман смирно сидел на заднем сиденье. Две женщины спереди оживлённо фантазировали, как уличный приставала залезет их «девочке» под юбку.

— Представляешь глаза возбуждённого бычары?! — хихикала Дарья. — Вот, он шарит по белому гладкому бедру, лезет выше, нащупывает кружевной край трусиков, пускает от вожделение слюну и суёт пальцы внутрь... А там! Ах — ха — ха — ха!

— Ой, не могу, писец! Но дальше, дальше! Как думаешь, что он сделает? — давясь смехом спросила Марина.

— Что? Я полагаю взбешённый бык разобьёт в кровь мордашку нашей «девочке»! Он будет мутузить её так, потом так, потом вот так!!! — двигая сжатыми кулачками, Дарья изображала избиение. — А пото-о-ом... — она сделала многозначительную паузу. — Он возьмётся всерьёз за чью-то покорную попку! Вставит в неё толстую длинную вещь и будет зло накачивать, накачивать, накачивать!

— Вау! — захлопала в ладошки Марина. — И спустит туда стакан горячей жидкой спермы!

— Да!
— А что же наша маленькая «девочка»?
— О-о! Она будет хныкать и визжать от восторга, потому что ей нравится, когда её грубо имеют в попу. Она с благодарностью оближет и обсосёт испачканный пенис насильника своими разбитыми и распухшими губами.
— Ф-и-и, какая у нас грязная развратная «девчонка!!! Неужели она сделает это?!
— Не сомневайся, эта падшая тварь только прикидывается, что страдает, на самом деле она уже возбуждена, она уже предвкушает!
Женщины живо обернулись назад и с радостным любопытством уставились на свою жертву.
— Это правда, влагалище? Ты уже готова, вонючка? — коварно спросила Марина.
— Отвечай, пиздюк! — прикрикнула Дарья.
— Да... госпожа, — тонко выдавил из себя Герман. Накрашенные губы дрожали, брови поднялись домиком, а напудренный носик сморщился.
— Пиздюк собрался разревется, — прокомментировала Марина.
— Пусть только попробует! Я ему разревусь. Слышишь, ты?! Испортишь макияж — берегись, отвезу тебя к терриконам в гаражи. И тебя будет насиловать до утра банда пьяных ублюдков.
— Нет! Н... не надо, хозяйка! — пролепетал он жалобно. — Я всё понял.
Подруги повернулись лицом к друг дружке и Дарья нежно поцеловала губы Марины.
— М-м-м, дорогая... — страстно выдохнула подруга.
Несколько минут они жарко целовались. Затем Дарья вынула из блузки грудь, и придерживая белоснежные купола под низ, направила тёмные соски на Марину. Та хищно облизнулась, и припала к одному из крупных выпуклых сосков. Раздалось громкое чмоканье, Дарья прикрыла глаза и застонала. — Да, моя хорошая, соси, соси сильнее!
Пассажир (ка) на заднем сиденье наблюдал (а) за этойладонь к губам. — У неё настоящий пенис! Большой и твёрдый! Это мужчина! Это не она, это ОН! Какой ужас! Здесь!!!
Глаза Геры заметались, лицо исказил страх, но половой орган вздёрнулся ещё сильнее.
— Нет, нет, — мягко успокаивала брюнетку Дарья. — Это наша девочка Гера. Никаких мужчин здесь нет.
Марина в это время взялась за толстый ствол и сильно дёрнула кожу к голому лобку, сильнее обнажая красную мясистую головку.
— Но... но, — брюнетка вытягивала дрожащий палец, указывая на предмет с которого не сводила сумасшедших глаз. — Это не может быть клитор! О, Господи... Таких не бывает... И там разрез!!! — тихо взвизгнула она. — Оттуда капля!
— Да, — тихо согласилась Дарья, незаметно подмигнув подружке. — У наше Геры клитор точь в точь, как пенис. Но вы же видите — это хорошенькая девочка. Только добавлю — очень похотливая девочка. Она так сильно возбуждается. Особенно в дамских уборных! Знаете, такая пикантная особенность...
— О-о-о... Я не знаю... Почему он... она так? Я имею ввиду эта... одежда и пенис...
— Но вам нравится? Вы не находите, что это очень эротично и чертовски соблазнительно? Взгляните на ноги. Прекрасные чулки и туфли, не правда ли? И пенис... большой, горячий... Вам видно, что никакой грубой растительности? Совсем другой вид!
Брюнетка дышала теперь очень часто, её руки хаотично и беспокойно двигались.
— Потрогайте. Убедитесь сами... — Дарья не пояснила в чём нужно убедится, но взяла за руку брюнетку и подвела к Гере. Заглянув той в глаза, остановила руку так, что кисть женщины

повисла над вздыбленной залупой. Отпустила. Ладонь брюнетки сама опустилась на горячую плоть и обхватила её.
— Так, что вы думаете о половом органе нашей подруги? Как вы находите клитор Геры? Или настаиваете, чтобы мы употребляли слово «пенис»? А, может быть — «хуй»? — приговаривая мягким хрипатым голосом, Дарья ладонью поглаживала жопу брюнетки.
— У неё весьма большой отросток, как бы его не называть. Мясистый, упругий, горячий, да?
— Д... да, — заикалась женщина, машинально водя кулаком по крепкому стволу в переплёте толстых вен.
— Мы очень следим за Герой, — рука Дарьи гуляла от шеи до бёдер брюнетки. — Она содержится в чистоте. Лучшие шампуни и гели! От неё так хорошо пахнет... Гера не курит табак и не употребляет спиртного, только ванильные и клубничные коктейли, — ладонь Дарьи легла на плечо брюнетки и осторожно, но настойчиво давила к низу.
— В... вы п... полагаете мне следует попробовать?! Пососать эту... этот... орган? Это нормально?
— Ну, конечно! Мы тут все девочки. Если вам, дорогая, удобно думать, что это клитор — думайте так, если вы убеждены, что пенис — никто не станет возражать. Но есть маленькое условие, — горячо дышала Дарья в ухо брюнетке: — Вы должны позволить мне лизать вашу киску, пока сосёте этот замечательный орган.
Услышав слова своей жены, ряженый Герман едва не начал немедленно кончать на кафельный пол.
— Ох, ладно! — выпалила разгорячённая брюнетка. — Давай! Просто стяни с меня трусы и начинай! Я должна сосать этот орган. О, Гера, — промурлыкала она, — впервые по-настоящему разглядывая лицо Германа. — Ты такой... такая очаровашка! — брюнетка опустилась на колени, и, сложив губы буквой «О», обхватила ими вздрагивающую слюнявую головку.
Дарья потянула трусы брюнетки вниз и заглянула под юбку.
— Ййоо — моёёё! — воскликнула Дарья. — Ты посмотри какой здесь куст! Писец. Джунгли!
— Ни хрена себе! — отозвалась Марина, заглянув и нервно облизнувшись. — Это нереально! Я тащусь от волосатой пизды! Я просто без ума от таких. А ты?
— О, д-аа...
Гера слышал (а) каждое слово, и видел (а) каждое движение, пока жадный рот брюнетки обрабатывал вздрагивающий пенис.
Лицо Дарьи скрылось под юбкой брюнетки и оттуда понеслись сосущие звуки с причмокиванием. Брюнетка замычала, спазмы пробежали по её телу. Один, второй, третий... Брюнетка ныла и тёрлась сжатыми губами по набалдашнику головки члена. Безумство женщины передало половому органу Геры импульс к освобождению. Переполненный спермой, он начал изливаться в рот брюнетки. При этом рычал он отнюдь не по-женски. Маринка, не носившая трусиков вовсе, сунула руку в свою капающую раковину, Дарья сжала бёдра.
Рот брюнетки переполнился спермой, она не успевала глотать, густые белесые струйки потекли из уголков её рта. Она оторвалась от опустошённого органа и быстро повернулась к выползающей из под неё Дарье. Та приподнялась, и протянула свои губы к губам брюнетки. Женщины, целуясь, размазывали сперму по губам и слизывали её со щёк и подбородков друг друга.

Через минуту все стояли, приведя себя в порядок. Брюнетка огляделась, приложила пальцы к вискам и в изнеможении потрясла головой. Затем ни слова не говоря кинулась к выходу.
Три подруги вышли из торгового центра.
— Сколько? — спросила Дарья.
— Восемь минут с копейками, — отозвалась Марина.
— Круто.
Сели в машину. Гера блаженно откинулся на спинку сиденья.
— Блядь, я до самого последнего не верил, что ты её разведёшь, — подал он голос.
— А то! — обернулась к нему с улыбкой жена. — Понравилось?
— Классно. Но и напугали вы меня сегодня реально. Про кастрацию было страшно. Подумалось, могут и вправду подсыпать чего-нибудь и позвать ветеринара...
Подруги рассмеялись.
— Вот-вот, игры играми, но ты не расслабляйся. Мы тебе устроили сбывшуюся мечту, теперь твой черёд. Готовься! Дома с живого не слезем. Я вообще без оргазма осталась, — добавила Дарья.
— Девчонки, я за день натерпелся, для вас всё что угодно! Ручки, ножки, сиськи-письки, жопки — всё вылижу и оттрахаю, — он помолчал и задумчиво добавил: — Восемь минут... А всё же мог кто-нибудь войти...
— Не дрейфь, всё схвачено, Гера... — самодовольно улыбнулась Дарья в салонное зеркало. — У Маринки начальник безопасности этого центра в приятелях.
— Даа... — мечтательно заложил руки за голову Герман. — Как она сосала!!! Сногсшибательно. Повезло, красивая женщина! Повторить бы...
Дома, пока Герман отправился в ванную, подруги налили себе мартини.
— Слышь, повезло ему...
— Ага! Счастливый!
Женщины начали хихикать. Вскоре хихиканье перешло в безудержный хохот, а после в истерику. Подвывая и захлёбываясь, подруги со слезами на глазах давились:
— Мляяя... Красивая женщина!!! Ой-ой-й, не могу... Какие мужики тупые!
— Ага! Зашла, мля, случайно в сортир... и через пару минут сосёт на коленках... Мамочкиии моиии!
— Писец!!! Они реально в такое верят!
Кое-как успокоились. Дарья подсела к подруге на ручку кресла.
— Клёво ты Лёшика загримировала. Я его сначала и не узнала из-за парика. Только всё время боялась, что мой ему под юбку полезет. Вот был бы номер!
— Фигня, выкрутились бы, с этими лохами педальными просто, — отмахнулась Маринка.
— Как такой голос сделали?
— А, что ты думаешь он кабинке делал? Баллончик с гелием! Как раз на предварительные ля-ля-фа хватает, потом наша брюнеточка только чмокала.
— Кстати, сколько я тебе должна?
— Триста зелёных попугаев. Было бы сто, но Лёшик ненавидит, когда ему бабы сосут. Даже лесбиянки — двести за вредность.